

к проникновению в сознание средневекового человека, снова приводит к мысли о том, что необходимо изучать весь процесс познания прошлого, т.е. взаимодействие живого человека с информацией, заложенной в сохранившихся памятниках. Причем начинать неизбежно приходится со своей стороны.

То, что мы не можем полностью реконструировать восприятие людей прошлого, не значит, что прошлое в принципе не познаваемо и что наше собственное восприятие не пригодно для его познания. Представляется, что корректное использование собственного восприятия (как и собственной способности к логическому мышлению) в качестве инструмента не только возможно, но и целесообразно для исследования оставшихся от прошлого памятников. Мы не можем изнутри увидеть тот смысл, который в них вкладывали их создатели, но мы можем оценивать свой отклик на результаты этой деятельности, сравнивать сотни и тысячи таких реакций на содержащуюся в памятниках информацию, как это делается, например, в процессе ультразвукового исследования внутренних органов.

Любое обращение к прошлому влечет за собой его реконструкцию, по крайней мере, мысленную. Материализованная реконструкция, не претендующая на роль подлинника, может быть очень полезна в познавательных целях. Выставляя подлинные вещи, легче избежать обманчивой иллюзии. Пространство выставочно-зала ощутимо отличается от пространства храма, а иконы на стенах или даже в реконструированной алтарной преграде по-прежнему обладают способностью воздействовать на наше восприятие, хотя мы, конечно, видим их не так, как видели византийцы. Лос-анджелесская выставка, несомненно, принесла огромную пользу живущим в начале XXI в. американцам и не только им. Новый подход к экспонированию памятников византийского искусства позволил расширить круг заинтересованных современников и задаваемых ими вопросов. В ответ на обращенный к прошлому вопрос современный человек получает новое переживание и знание, которое расширяет и обогащает его интеллектуальный и духовный опыт, становится частью его настоящего и будущего. Не в этом ли смысл изучения прошлого?

А.В. Захарова

Залесская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства IV–VII веков. Каталог коллекции. Издательство Государственного Эрмитажа. СПб., 2006. 271 с., 710 цв. илл.

Каталог ранневизантийских предметов прикладного искусства, хранящихся в Эрмитаже – плод многолетнего труда В.Н. Залесской, многочисленные публикации которой хорошо известны искусствоведам и археологам-византинистам в России и во многих других странах. Подчеркнем, что он существенно отличается от “Каталогов византийского искусства в коллекциях Советского Союза”, которые в свое время издала А.В. Банк (1966, 1977, 1985). Отличается он и от Каталога той большой выставки, “Искусство Византии в собраниях СССР”, которая была развернута в Эрмитаже в 1977 г. и стала событием, памятным до сих пор. Каталог В.Н. Залесской основан только на коллекции Эрмитажа; он ограничен хронологическими рамками ранневизантийского периода; в него включены многие не публиковавшиеся ранее материалы. Многие предметы происходят из раскопок в Крыму, преимущественно в Херсонесе и в Керчи, что придает Каталогу более археологический характер в сравнении с предыдущими изданиями этого типа.

Издание включает Введение (на русском и английском языках), Библиографию, собственно Каталог, Географический указатель и Указатель учреждений и лиц,

которым принадлежали памятники. Введение дает характеристику шести разделам Каталога: серебро, ювелирные изделия, бронза, резная кость, керамика, стекло. Классификация осуществлена по материалу, некоторые отступления от этого принципа оговорены автором. Например, мраморный реликварий из Херсонеса (№ 29) помещен рядом с серебряным ковчегцем из другой херсонесской церкви (№ 28) в качестве аналогии по функции и форме.

Несмотря на сжатость вводной статьи, обзор основных групп изделий, а внутри них – наиболее значимых вещей, дает представление о прикладном искусстве Византии периода перехода от античности к раннему средневековью. Состав богатой эрмитажной коллекции отражает основные тенденции этого процесса. Автор обращает особое внимание на некоторые деликатные проблемы, например, “Константинополь и местные школы” в торевтике VI–VII вв. В.Н. Залесская справедливо подчеркивает, что приезд в столицу мастеров из разных центров (Антиохия, Александрия, Равенна и др.) делает вопросы атрибуции особенно сложными, даже если имеется такое бесспорное указание на место изготовления, как пробирный знак.

Каталог содержит более 660 предметов. Основное внимание уделяется трем признакам: назначению предмета, месту производства и хронологии. В ряде случаев район производства по необходимости приходится определять очень широко – “Восточное Средиземноморье”. Трудности в хронологической классификации предметов общеизвестны; в особенности это касается вещей массового производства, лишенных археологического контекста. Даты, предлагаемые автором, обоснованы. Они опираются на совокупность признаков, аналогии, привлечение обширной литературы и отражают современное состояние изученности тех или иных категорий предметов.

Каталог не включает предметы, которые изучаются специальными дисциплинами, ставшими самостоятельными: сигиллографией, нумизматикой, историей коптского искусства, сюда же относятся и ткани. Отсутствуют также массовые бытовые предметы: простые горшки, миски, ключи, рыболовные крючки и пр. Сосуды представлены в основном целыми экземплярами, исключение составляют только те фрагменты краснолаковой керамики, которые содержат изображения (кресты и другие символы).

Аннотации дают читателю все необходимые сведения: место и дата создания, материал, техника, размеры, происхождение, источник поступления, место находки (по возможности), описание, включая надписи, клейма, сохранность, данные об экспонировании на выставках, основные публикации, аналогии. Особо отмечены случаи, когда предмет не публиковался или был упомянут, но без воспроизведения. В целом в Каталоге представлено немало вещей новых или малоизвестных, забытых и полузабытых, – это одно из достоинств издания.

Каталог открывается серебряным блюдом с изображением триумфа Констанция II (№ 1) – это одно из самых знаменитых произведений позднеантичной торевтики (“византийский антик”, по слову Л.А. Мацулевича). Вообще Эрмитаж прославлен своей коллекцией серебра, в том числе и из Предуралья, – феномен, объясняемый характером связей Константинополя с варварскими вождями. В этой группе обращает на себя внимание чаша VII в., поступившая в музей из Перми в 2001 г. (№ 56) и еще не побывавшая на выставках. На ней представлен загадочный персонаж с колодкой на шее и руках, возможно, изображение “болгарского демона”, которое появилось уже после изготовления блюда.

Группа ювелирных изделий важна как источник для характеристики эстетических вкусов, художественных и технических приемов украшений, социального контекста этих знаков власти или статуса, идеологических изменений в обществе, ког-

да речь идет о предметах религиозного культа, особенностях символического языка раннехристианской эпохи. Украшения гуннского времени, выполненные в стиле “перегородчатой инкрустации”, были популярны у народов, попавших в орбиту византийской политики. Аннотации Каталога отражают эти разнообразные аспекты, демонстрируя последовательный исторический подход к интерпретации каждого памятника. Интересен впервые опубликованный золотой крест, украшенный зернью (№ 136), аналогии ему по форме и декору имеются в Болгарии. Что касается давно известного золотого ожерелья с медальоном, представляющем сцену коронации Константина I (№ 138), по-моему, под ногами персонажей изображен сосуд с произрастающими побегам, а не птицы, пьющие из сосуда, как издавна принято определять эту сцену.

В разделе изделий из бронзы, достаточно массовых (светильники, кресты и др.), интересна попытка выделить группы фракийскую (и как ответвление – северно-причерноморскую) и малоазийскую. К фракийской группе относятся многочисленные находки в Херсонесе. Это позволяет конкретизировать широкое понятие “Восточное Средиземноморье”. Помимо других причин роль Фракии была обусловлена значимостью этой провинции как церковной епархии, частью которой Константинополь был до Халкидонского собора.

Раздел “Резная кость” невелик, он включает 17 предметов. Среди них и знаменитые именные консульские диптихи, и вещи более скромные. Таков крест из кости домашнего животного с греческой надписью св. Леонтия, который “относится к немногим бесспорным изделиям раннесредневекового Херсонеса” (№ 296). Крест датирован VII в., но, судя по форме слегка расширяющихся рукавов, его можно было бы отнести и к VI в. Культ св. Леонтия в Херсонесе подтверждается существованием церкви (“дома”) этого святого, которую идентифицируют с большой Западной базиликой (№ 13), включающей и мавзолеев.

Раздел “Керамика” – самый обширный, он включает около 300 предметов. Светильники делятся на несколько групп, в том числе понтийскую, куда входит и Северное Причерноморье. Краснолаковая посуда представлена в основном “африканским” типом (Восточное Средиземноморье). Интересна группа паломнических ампул из разных пунктов Малой Азии и Египта, в том числе из святилища св. Иоанна Богослова в Эфесе. На некоторых из них на обеих сторонах представлено символическое изображение храма в виде арки на колонках; в интерьере на одной стороне представлен человек, а на другой – “круглое сооружение, которое венчает крест” (№ 320–321). На мой взгляд, здесь можно видеть не здание, а престол с утвержденным на нем крестом.

Происхождение группы светильников V–VI вв. определено как «Италия, “африканский” тип». Часть из них публикуется впервые, многие давно поступили от коллекционеров, но есть и найденные в Херсонесе (№ 489). На этих лампах в центре помещен изобразительный мотив (хризма, человек, рыба, птица, лев, дерево и др.), а по краю идет штампованный орнамент, состоящий из кружков, розеток, пальметт, треугольников (№ 470–490, 493–498). Происхождение этой группы (по классификации Дж. Хейса, тип Hayes PA) можно определить точнее. В центральном Тунисе, в местечке Сиди Марзук Тунси к юго-западу от Кайруана, были найдены гипсовые формы для изготовления таких ламп, которые датируются концом IV – началом V в. Они представляют 12 моделей, по характеру декора, многие элементы которого вплоть до деталей совпадают с эрмитажными лампами¹.

¹ *Flügel Ch., Dolenz H. Spätantike Lampenmodel aus Sidi Marzouk Tounsi (Mitteltunisien) // Mitteilungen zur Christliche Archäologie, 1998. N 4. S. 104–114.*

Большая коллекция эрмитажного стекла IV–V вв. состоит по преимуществу из материалов некрополей, изделия происходят из известных римских мастерских от Палестины до Рейна. Хотя группа “vetri d’oro” – гравированная золотая пластинка, вставленная в двуслойное донце сосуда, – невелика (всего пять предметов), эти специфические римские изделия IV в., связанные с катакомбами, вызывают особый интерес. В Каталоге два фрагмента публикуются впервые. На одном изображен Адам у древа (№ 604), определение сюжета не вызывает сомнений. На другом фрагменте (№ 603) в центральном медальоне изображена полуфигура святой, вокруг расположен фриз из нескольких (не менее шести) стоящих фигур. Они разделены колонками (сохранились две), на каждой установлена *tabula ansata* с именем мученика. Если имена “Петр” и “Флор” читаются хорошо, то две буквы около изображения женщины вызывают вопрос: была ли здесь изображена св. Агния (*Agnea*)? Первая буква начала имени (слева от головы) хорошо видна, – это С, вторая – А (или R?). На мозаике в римской загородной церкви св. Агнесы первой половины VII в. надпись дана в форме *SCAAGNES* – св. Агнеса², но в IV в. имена еще не сопровождалась определением “святой”, “святая”. В то же время изображение Агнесы на эрмитажном фрагменте вполне вероятно – она входила в число патронов Рима наряду с Петром, Павлом и Лаврентием, и ее изображения часто помещались на “золотых стеклах”.

Стекло чаша второй половины IV в. с греческой надписью “пей, живи” (№ 639) хорошо известна, археологи часто обсуждают ее характер – христианская или языческая? Скорее всего, сосуд был христианским. Здесь можно упомянуть о существовании чаши-двойника в Лувре (зал “Античные стекла”), которая слегка отличается лишь растительным мотивом в центре. Важно то, что луврская чаша происходит из Керчи, а эрмитажная из соседнего Нимфея³. Возможно, из Сирии или Палестины в Крым стекло везли партиями, к тому же типу относится и чаша из некрополя Пантикапея с изображением хризмы на дне (№ 661).

Вообще в Каталоге читатель найдет много вещей из Крыма, в том числе публикуемых впервые. Это, в частности, бронзовые кресты и пряжки-кресты VI–VII вв. (№ 211, 231–237), керамические светильники и чаши IV–VI вв. (№ 313, 400, 553–576) с изображением хризм и крестов, а также довольно редкий предмет – скульптурку голубя из известняка, имитацию бронзовых изделий (№ 263). Многочисленность этих предметов характеризует развитую раннехристианскую культуру региона, что важно отметить в контексте современных дискуссий⁴.

Что касается использования предметов, по моему мнению, бронзовые кресты с отверстиями на концах (№ 232–235) были частью фурнитуры бронзовых ламп с цепочками. Кресты из некрополей лангобардской знати (типа Кастель Трозино и Ночера Умбра) и других пунктов восточного Средиземноморья иные, они выполнялись из очень тонких золотых (реже серебряных) “листочков” и нашивались на одежду⁵.

В нескольких случаях “хризмой” называется крест, у которого к гASTE в верхней части добавлено закругление буквы “ро” (№ 86, 326, 447, 448, 474, 479, 510). Я бы назвала эту форму монограмматическим крестом (или ставрограмма), отличая его от хризмы; последняя отражает почитание имени Христа, а крест – почитание орудия казни Христа. Впрочем, на хронологию это не влияет, обе формы сосуществовали начиная с IV в.

² *Brandenburg H.* Ancient Churches of Rom, from the Fourth to the Seventh Century. Turnhout, 2005. Fig. 152.

³ *Кунина Н.З.* Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб., 1997. № 433.

⁴ *Завадская И.А.* Концепции истории христианизации населения Херсонеса в отечественной историографии // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.* 2007. Вып. 13. С. 430–467.

⁵ *Weidemann K.* “Byzantinische” Goldblattkreuze // *Die Goldblattkreuze des frühen Mittelalters / Hrsg. W. Hübener.* Buhl-Baden, 1975. S. 145–150.

Особо следует сказать об исключительно высоком качестве иллюстраций Каталога – все они цветные, превосходные, при этом воспроизведено много деталей, интересных археологу, например, клейма и знаки мастеров.

Каталог, изданный В.Н. Залесской, станет настольной книгой для множества специалистов по искусству и археологии Византии и связанных с нею стран. Мы будем ждать необходимого продолжения – тома, посвященного эпохе Средних веков. Всем известно, что труд сотрудника музея – особый. Это многолетняя напряженная работа, требующая высокого профессионализма, эрудиции, огромного терпения и любви к каждому предмету, будь то императорское серебро или обломок глиняной лампочки. К счастью, этот подвижнический труд вознаграждается – благодарностью читателей, востребованностью и долговечностью фундаментальных каталогов, к числу которых относится труд В.Н. Залесской.

Л.Г. Хрушкова